

ния не только в отношении зрительного, но и глубинного эмоционального содержания.

Или неоднократно встречаемый в византийской литературе мотив царской порфиры, обогрешенной кровью варваров. Сам по себе этот символ является тоже традиционным элементом *Kaiseridee*, знаменуя торжество императора над нечестивыми (например, № 31а, 1—6; № 44.174—176), но своеобразная возвышенность образа снижается конкретностью и наглядностью описания безжалостного истребления «персидских» жителей — детей и женщин — ромейским оружием (№ 11.201—210). Казалось бы, здесь нет ничего необычного — стереотипные темы, банальные слова; но различие в эмоциональном контексте при сравнении двух планов приводит к эффекту внутренней противоречивости описания и оценки. У Никиты Хониата функционирование цветовой системы осуществлялось по близким, но несколько другим направлениям — по линии словоупотребления⁶. У Продрома же личный элемент вообще сведен к минимуму: он — в области языковой и речевой формы (ср. также № 11.51—67, 211—220; № 15.1—10, 81—90). Отрицательный смысл нигде внешне не проявлен. Но за прямыми словесными декларациями не улавливается ли нечто, не совпадающее с высказываемыми формулировками? Такой эффект возможен вне сферы словесного выражения — он может получиться и неосознанно, вопреки идейной установке автора. И в этом случае важно уловить внутреннее чувство, эмоциональный подтекст.

Эти замечания в высшей степени гипотетичны. И все же хотелось бы поставить вопрос о возможности иного осмысления творчества Феодора Продрома. Подход к Продрому как к творческой личности, самостоятельно мыслящей и по-своему выражающей идеи, уже определился в византистике⁷.

Сейчас В. Хэрэнднер готовит издание речей и писем Феодора Продрома. Новая работа, несомненно, даст материал для дальнейших доказательств, наблюдений и уточнений.

М. В. Бибиков

Два памятника поздневизантийской литературы

Mazaris' Journey to Hades. Greek Text with Translation, Notes, Introduction and Index by Seminar Classics 609. State University of New York at Buffalo. «Arcthusa», 1975, XXXVIII+134 p.

A. Byzantine Iliad. The Text of Par. Suppl. Gr. 926. Edited with Critical Apparatus, Introduction and Indexes by L. Nørgaard and O. L. Smith. «Museum Tusulanum». Copenhagen, 1975, 75 p.

«Путешествие в ад» Мазариса — давно известный памятник византийской литературы XV в. На русский язык оно было переведено С. П. Кондратьевым и опубликовано в ВВ, XIV, 1958, с. 318—357 с обширной вводной статьей Т. М. Соколовой. Новое издание выполнено группой американских филологов в составе: Дж. Барри, М. Шеа, Э. Смесиз и Л. Вестеринк. В отличие от первых изданий, основанных на Парижской рукописи, американские издатели привлекли также Берлинскую рукопись (Berol. gr. 173) XV в., дающую существенные разночтения. Третий манускрипт Мазариса (Urb. gr. 134, XV в.) — явная копия Парижской рукописи, не отличающаяся от нее ничем существенным; он привлекается лишь в редких случаях — там, где выпдели чернила в заголовках Парижского списка.

Текст сопровождается английским переводом и комментарием. Во введении Э. Смесиз характеризует ситуацию в Византии на рубеже XIV—XV вв., ставит вопрос об авторе «Путешествия» и о содержащихся в «диалоге» исторических данных. Скудость и неопределенность свидетельств Мазариса не позволяют сделать сколько-нибудь существенные новые выводы о положении в Пелопоннесе. Как известно, Мазарис рисует в самом черном свете и пелопоннесских «топархов» («баронов», как передают этот термин переводчики), и столичное чиновничество. Что это —

⁶ Каждан А. П. Цвет в художественной системе Никиты Хониата. — В кн.: Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973, с. 132 сл.

⁷ Hunger Н. Der byzantinische Katz-Mäuse-Krieg. Graz—Wien—Köln, 1968, S. 51 ff.

законы жанра (Лукиановой сатиры) или действительная общественная позиция автора? Вопрос этот, к сожалению, не поставлен издателями. Для нашего читателя значительный интерес представляет упоминание Мазарисом славян (с. 76.22) среди многоплеменного населения Пелопоннеса.

Второй памятник издается впервые. Это написанная на разговорном языке поэма о Троянской войне, состоящая из трех частей: первая повествует о событиях накануне войны, вторая — о самой войне, третья — своего рода эпилог, подчеркивающий (на примере Ахилла) христианскую идею о бренности всего сущего. Проникновение библейских элементов в поэму сказывается и в некоторых деталях сюжета: легенда о Парисе видоизменяется под воздействием истории Моисея. Троянский миф испытывает в поэме также влияние византийской действительности: Парис, к примеру, собирается стать монахом (стк. 425); разговор «василевса» Приама с непокорным «вассалом» Селинием (стк. 248—256) вызывает в памяти аналогичную сцену из «Дигениса Акрита».

Поэма издается по Парижской рукописи (Paris. Suppl. gr. 926) XVI в.

А. К.

D. G. Tsames. Δαβὶδ Δισυπάτου Λόγος κατὰ Βαρλαάμ καὶ Ἀκινδύνου πρὸς Νικόλαον Καβάσιλαν. — «Βυζαντινὰ κείμενα καὶ μελέται», 10. Thessalonike, 1973, 115 p. + ill.

Давид Дисипат — византийский писатель и церковный деятель второй четверти XIV в., активный участник паламитских споров. Его краткая история «дурной ереси» Варлаама и Акиндина была впервые издана Порфирием Успенским в «Истории Афона» как анонимное сочинение, а в 40-е годы XX в. переиздана испанским византинистом М. Кандалем¹; затем Р. Браунинг опубликовал ямбы Дисипата против Акиндина², и теперь издается «Слово против Варлаама и Акиндина».

Для издания «Слова» Д. Цамис привлек пять рукописей, среди которых он считает лучшей Paris. gr. 1247, XV в.; к ней близка Marc. gr. 153, XV в. Более ранний манускрипт (XIV в.), принадлежащий Дионисиеву монастырю на Афоне (Dionys. 194), отражает, по мнению издателя, тенденцию выправить, разъяснить или упростить авторский текст, но подчас эти поправки проистекают из ложного понимания рукописи и искажают смысл. Другой Парижский кодекс (Paris. gr. 1238, XIV—XV вв.) содержит только конец «Слова», за которым следуют стихи Дисипата против Акиндина. Наконец, в Ватиканском манускрипте (Vatic. gr. 704, XIV—XV вв.), где на лл. 152—173 об. по каталогу значилась «Книга против патриарха Иоанна Калеки», оказались также отрывки из «Слова» Дисипата.

Во введении Д. Цамис собирает скудные сведения о Давиде Дисипате, сохранившиеся в сочинениях современников, и отделяет достоверное от необоснованного; так, он отвергает предположение, которое принимал и покойный В. Лоран, будто Давид был родом из Солуни (с. 15 и сл.). Несмотря на бедность информации, Дисипат предстает довольно любопытной фигурой. По-видимому, первоначально его позиция в идеологической борьбе была недостаточно определенной: в начале 1341 г. Акиндин (его письмо сохранилось) призывал его в Константинополь, чтобы помочь Паламе против Варлаама; вместе с тем Акиндин, расходясь с Паламой, рассчитывал и на поддержку Дисипата. В свою очередь и Палама обратился к авторитету Давида. Как известно, в 1341 г. размежевание борющихся сил произошло: на одной стороне оказалась группировка Иоанна Кантакузина, провозглашенного 26 октября императором, на другой — сторонники мегадука Апокавка, управлявшего от лица царицы-матери Анны Савойской. Патриарх Иоанн Калека, порвав с Кантакузиним, перешел в лагерь Апокавка; Акиндин, покончив с колебаниями, также принял сторону легитимистов. Напротив, Палама, державшийся Кантакузина, оказался в немилости, попал в тюрьму и даже подвергся отлучению. Давид в этих трудных условиях поддерживает паламитов и в ямбах, адресованных Акиндину, с сочувствием описывает бедствия Паламы.

¹ См.: Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 734.

² Browning R. David Dishypatos' Poem on Akindynos. — Byz., 25—27, 1955—1957, p. 723—739.